

Я легко нахожу поляну, на которой мы с Хагридом вчера кормили тестралов. Земля здесь все еще хранит запах крови, поэтому я не удивляюсь, когда замечаю за густыми зарослями кустов сразу нескольких крылатых лошадей. При моем приближении они опасливо отходят в сторону, и лишь один тестрал поворачивается ко мне и делает несколько неторопливых шагов. Он перебирает своими излишне длинными и тонкими, даже по меркам тестралов, ногами слегка неуклюже, и мне приходит в голову, что если бы речь шла об обычных лошадях, то, вероятнее всего, я назвал бы его жеребенком. Приглядевшись, я понимаю, что именно он вез меня вчера до Хогсмида.

– Привет, – я подхожу к нему и треплю по холке. Зверь ведет себя сдержанно, но похоже, что у него нет ко мне неприязни. – Не хочешь снова полетать? Я был бы тебе благодарен.

Мгновение я чувствую, как тестрал льнет к моей руке, но он почти сразу отстраняется и чуть пригибается к земле, расправляя крылья. Я воспринимаю это, как приглашение покататься, и спешу им воспользоваться.

Черные крылья делают сильный взмах, и небо рвется нам навстречу. На меня разом обрушивается столько ветра, свежести, простора, что на миг я перестаю дышать. Мы поднимаемся все выше и выше над верхушками деревьев, и я чувствую, как с каждым новым взмахом широких крыльев меня захлестывает свобода, а груз на моих плечах тает. Полукруг восходящего солнца заливают своим светом все вокруг, я мчусь ему навстречу, улетаю все дальше и дальше от замка, от Хогсмида, от людей. Деревья внизу сливаются в единый зеленый ковер, трепещущий и волнующийся под порывами ветра. Я крепче обхватываю тонкую шею тестрала, и зверь осторожно косится на меня своим молочно-белым, как у слепого, глазом.

Ощущения от полета на тестрале совсем не похожи на то, что чувствуешь, когда сидишь на метле. Зверь живой, он независим, ты не можешь управлять им с такой же легкостью, как наполненной магией деревяшкой. Но это лишь сильнее распаляет мой интерес, на пробу я пару раз заставляю своего летающего коня совершать резкие повороты, от которых ветер свистит в ушах с дикой силой.

Я не сразу замечаю, что мой тестрал устал. Он еще совсем молодой, наверное, он не привык к таким долгим полетам, тем более с седоком на спине. Но это я понимаю лишь тогда, когда конь начинает дышать часто и хрипло, а взмахи его крыльев делаются медленными и натужными, как будто бы он силой заставляет себя продолжать ими шевелить. Я успеваю лишь развернуть его в сторону замка, чтобы не оказаться слишком глубоко в Запретном лесу на момент приземления, и как можно крепче вцепиться в гибкую шею.

Пожалуй, лучше всего нашему приземлению подходит определение аварийного. Мы уже почти успеваем достигнуть земли, когда крылья моего верного коня окончательно ему изменяют, безжизненно повисая возле тощих боков, и мы с треском падаем в кусты. От удара о землю меня перебрасывает через голову тестрала, и, сгруппировавшись, я успешно приземляюсь на поляну клевера.

– Ух ты, – отдышавшись и убедившись, что могу шевелиться, я в изумлении оглядываюсь кругом. – Смотри-ка, здесь весь клевер четырехлистный. Кажется, сегодня нам с тобой

сопутствует удача, как считаешь?

Но тестрал, судя по всему, решает по-своему. Он выбирается из густых кустов, мотает своей большой и довольно неуклюже сидящей на тонкой шее головой и, недовольно фыркнув, удаляется вглубь леса. Я провожаю его взглядом. Что ж, не то, чтобы я рассчитывал на что-то иное, но все же...

- Ссиленси, он на меня обиделся, как считаешь?

- Даже не сомневайся в этом, Говорящий, - отзывается змея.

- Эй, все не так уж и плохо, - я оглядываюсь кругом. - Я вспоминаю это место.

Всю дорогу до замка я беспрерывно разговариваю с Силенси. Она с некоторым беспокойством замечает, что никогда раньше не видела меня таким взволнованным, но я, напротив, чувствую себя отлично. Как ни странно, я испытываю какой-то непонятный душевный подъем, как будто бы один-единственный полет вернул мне утраченные силы и решимость, дал снова почувствовать себя живым.

- Что изменилось? - спрашивает Силенси, когда я пытаюсь объяснить ей свои ощущения. Змея явно не испытывает по поводу полета таких же восторгов. Она считает, что тем, у кого нет крыльев, не следует идти против природы и рваться в небеса.

- Я и сам не знаю, - я пожимаю плечами. - Наверное, с высоты птичьего полета наши проблемы и правда кажутся намного мельче.

Змея издает звук, похожий на фыркание, но ничего не отвечает: у нее явно своя собственная философия на этот счет.

Когда я неслышно вступаю под своды замка, еще по-прежнему очень рано. Хогвартс объят той особенной, сонной тишиной, которая наступает лишь за пару часов до пробуждения его обитателей. Коридоры пустынные, но я все равно стараюсь двигаться как можно тише, скрываясь в тенях высоких рельефных стен, словно за каждым углом меня может поджидать неизвестная опасность. Это напоминает мне далекие школьные годы, когда я точно так же крался по спящему замку под надежным укрытием отцовской мантии-невидимки, чтобы ввязаться в очередные приключения, захватывающие и почти самоубийственные в своей безрассудности. Тогда это еще казалось мне игрой.

Но на этот раз я добираюсь до знакомого гобелена с двумя борющимися драконам без каких бы то ни было приключений. По пути мне встречается только Миссис Норрис, но она лишь обводит меня долгим пронзительным взглядом и уходит прочь. Я уже успеваю скользнуть за гобелен, когда тишину коридора нарушают чьи-то отчетливые шаги. Я замираю, опершись о стену, и прислушиваюсь. В мою сторону движутся двое.

- Какого черта кто-то бродит по замку в такую рань? - выдыхаю я, продолжая прислушиваться к стуку шагов.

- Ну, ты же бродишшшь, - резонно замечает Силенси, и я вздрагиваю: я не заметил, что говорю на парселтанге.

- Это совсссем другое дело, Сссиленссси, - возражаю я.

Змея ничего не отвечает, и я тоже замолкаю, обратившись в слух. Не то, чтобы я намеренно собирался подслушивать, но сам факт того, что кто-то шатается по замку на рассвете, наводит на подозрения. Ведь в такую рань не спится только тем, у кого совесть нечиста, верно?

До меня доносятся негромкие голоса. По мере того, как неизвестные приближаются, их разговор слышится все отчетливее, и вскоре мне удастся разобрать, что двое в коридоре - это, несомненно, Дамблдор и Снейп. Их шаги неожиданно обрываются в нескольких футах от меня, сквозь узкую щель между стеной и гобеленом мне даже удастся разглядеть их неясные в полумраке коридора силуэты. Я замираю на месте, не зная, как поступить: я ожидал обнаружить желающих нашкодить студентов или обуреваемого вечной паранойей Филча, а не двух профессоров. Но сбегать, очевидно, уже поздно: так я рискую выдать себя. Поэтому все, что мне остается - это стоять неподвижно и слушать, надеясь остаться незамеченным.

- Директор, я все-таки решительно не понимаю, чего вы этим добиваетесь! - Это Снейп. Он стоит ко мне в профиль, с такого ракурса хорошо видно, что он весь трясется от едва сдерживаемого бешенства. Зельевар настолько взволнован, что не замечает, как при разговоре брызжет слюной во все стороны. - Сначала вы привели в школу мальчишку Поттера, это ничтожество, и даже придумали для него какую-то смехотворную должность, а теперь здесь оказался еще и этот... - он в последний момент прикусывает язык, удерживая готовое сорваться ругательство. - Я ненавижу их обоих, понимаете, не-на-ви-жу!

В начале этой ядовитой тирады голос зельевара звонко отдается в пустых стенах, но под конец мне приходится напрягать слух, чтобы разобрать слова, поскольку он переходит на приглушенное шипение: еще немного, и ему можно будет вести беседы с моей Силенси.

Дамблдор молча слушает яростные излияния Снейпа, а когда заговаривает, его голос звучит размеренно и спокойно:

- Я понимаю, Северус, что тебе нелегко. Ты лелеял свою ненависть многие годы, но, думаю, ты согласишься с тем, что тебе не следует негативно отзываться о нашем новом преподавателе по защите от Темных Искусств. Теперь вы коллеги, нравится тебе это или нет, и тебе придется вести себя соответственно. Взгляни на это с другой стороны. Возможно, это твой шанс разобраться с призраками прошлого и начать жить настоящим.

- Да уж, я прямо чувствую, как старые разногласия уходят, уступая место новой дружбе, - произносит Снейп со всем возможным сарказмом. - Особенно после того, как вы разбудили меня ни свет не заря, чтобы я нашел для вашего нового профессора Укрепляющее зелье и

помог дотащить его от станции до замка. Незабываемые ощущения, знаете ли!

- Северус, пойми, я бы не поступил так с тобой, будь у меня выбор. Но он болен, ты же знаешь, а ты – единственный, кому известно о его болезни и у кого есть запасы Укрепляющего зелья. Ему была необходима твоя помощь. Зато сейчас у вас обоих еще остается пара часов до завтрака на то, чтобы выспаться и прийти в себя. Я бы посоветовал тебе не тратить это время впустую, а отправиться в свои комнаты и немного отдохнуть.

Я каменею. Это не просто личный разговор, это очень личный разговор, затрагивающий не только Снейпа, но еще и нового преподавателя ЗоТИ, и мне делается не по себе при мысли, что меня могут обнаружить здесь, подслушивающим. Едва ли новый профессор был бы рад узнать, что теперь о его болезни, которую он, очевидно, пытался скрыть, известно не только Снейпу и Дамблдору. Только вот зачем директор пригласил преподавать человека, который серьезно болен? И я вновь обращаюсь в слух, надеясь, что ситуация хоть немного прояснится.

- Не пытайтесь увести разговор в сторону, – яростно шипит Снейп. – Вы могли бы заранее предупредить меня о том, кого выбрали на эту должность. Будьте уверены, мое заявление об уходе оказалось бы на вашем столе в тот же день.

Дамблдор тяжело вздыхает. Мне не видно его лица, но уверен, что на нем сейчас то самое выражение, которое так часто появляется в беседах со мной – терпеливое и спокойное, как будто бы он разговаривает с непонятливым ребенком.

- Я отпустил бы тебя с работы лишь в том случае, если бы ты принял здоровое, обоснованное решение. За эти годы я слишком привязался к тебе, чтобы позволить совершить подобную ошибку под влиянием мимолетного гнева или обиды.

Снейп ничего не говорит, и Дамблдор продолжает:

- Вспомни, каким ты пришел ко мне пятнадцать лет назад. Ты был разбитым, несчастным, совершенно безразличным к собственной жизни. Многие говорили мне, что ты не сможешь преподавать в таком состоянии, что ты будешь плохо влиять на детей, но я дал тебе шанс, и моей самой большой наградой было смотреть, как ты постепенно возвращаешься к жизни, учишься снова быть счастливым, пусть в своеобразной манере. И что бы ты ни говорил мне сейчас, твое место здесь, в Хогвартсе. Как бы ты ни проклинал студентов, тебе нравится преподавать, и, на самом деле, у тебя неплохо получается. Так что обдумай свое решение как следует. Не стоит бросать все, что у тебя есть, из-за прошлой неприязни. Будь взрослее, Северус, я ведь не могу следить за тем, чтобы ты не наделал глупостей, всю твою жизнь.